
ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

Г. А. Бордовский,
ректор

«МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ»: АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА И ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВУЗ

Моя жизнь сложилась так, что годы становления (окончание школы, учеба в институте, первая самостоятельная работа, поступление в аспирантуру) пришлось как раз на то время (конец 1950-х — начало 1960-х гг.), когда в полной мере стала проявляться так называемая «хрущевская оттепель», что сказывалось и на системе образования: назревали существенные перемены.

Я поступил и долгое время учился в маленькой сельской школе на Алтае, которую, однако, можно назвать советским вариантом дореволюционной гимназии. Это проявлялось не столько в подборе школьных предметов (их набор заметно отличался), сколько в общем фундаментальном подходе к содержанию учебников и организации занятий. Получить среднее (в то время десятилетнее) образование практически означало, что человек будет дальше обучаться в высшем учебном заведении. Если судить по нашей сельской школе, то большинство детей получали только семилетнее образование, о чем выдавали соответствующее свидетельство, а дальше шли в техникумы (это было популярно) или трудоустраивались на разные работы, требующие грамотных людей (в колхозах были учетчики, счетоводы, в сельсовете — письмоводители и т. п.). Многие шли работать в существовавшие тогда (в отличие от колхозов) государственные машинно-тракторные станции (МТС) механизаторами. Необходимую профессиональную подготовку получали, как правило, на краткосрочных (обычно зимних) курсах.

Однако многие не дотягивали до окончания семилетки и завершали свое обучение на начальном четырехлетнем образовании, что было неудивительно, поскольку требования к знаниям в школе были очень высокие.

Выпускные экзамены сдавались каждый год, начиная с 4-го класса. Для этого существовали единые для всей России экзаменационные билеты, которые утверждались Минпросом и рассылались по школам. Кстати, вступительные экзамены в вузы принимались по тем же билетам, что и школьные выпускные экзамены, только задачи в разных вузах и темы сочинений могли быть различной трудности. Их-то главным образом и боялись абитуриенты. Видно, что это была своего рода система ЕГЭ, которая столь активно создается ныне.

При таких требованиях к качеству знаний многих учеников оставляли на второй год обучения в том же классе (когда было 3 и более годовых двоек по предметам). Если была одна или две двойки — устраивали осеннюю переэкзаменовку, что называлось «оставить на осень», поскольку все лето 1–2 раза в неделю надо было ходить на дополнительные занятия в школу. Например, в нашем классе были ученики на 4–5 лет старше меня. Такая ситуация во многом была связана и с прошедшей войной. У подавляющего числа школьников не было отцов, семьи были многодетными, так что многим ученикам было не до учебы.

Нужно еще добавить, что обучение в средней школе (8–10 классы) было уже платным, как и платными были все школьные учебники, поэтому аттестат зрелости могли получить далеко не все.

Изменения в системе образования мы почувствовали уже во второй половине 1950-х гг. Во-первых, стали реально добиваться всеобщего семилетнего образования, а школа вместе с сельсоветом должна была обеспечить этот всеобщ. Чуть позже отменили плату за обучение в средней школе и вузе. Поэтому широкое распространение получили вечерние школы для работающей молодежи. Во-вторых, сократили число «переводных» экзаменов. В младших классах их отменили вообще. В-третьих, начали открывать школьные интернаты для детей из маленьких поселков, где не было средней школы. В-четвертых, было введено трудовое обучение, и в школе появились трактор и некоторые сельскохозяйственные машины, работе на которых мы обучались. Стали создаваться школьные мастерские, которых раньше тоже не было. В-пятых, в нашу школу стало приходить большое число молодых учителей с высшим образованием, окончивших педагогические институты, в том числе и столичные, получивших направление в сельскую глубинку.

Например, учительницей русского языка и литературы в моей школе была Л. К. Койкова – выпускница Пятигорского института иностранных языков, потом ее сменил П. М. Инжеваткин – выпускник Саратовского пединститута. Учительницей географии была В. Г. Редкова, закончившая Московский педагогический институт, и т. д. Многие доморощенные учителя стали учиться в педвузах заочно. Наличие в селе большого числа образованной молодежи резко изменило его культурную жизнь. Учителя вместе со старшими школьниками постоянно организовывали театральные спектакли, концерты, в том числе выездные в соседние села и поселки, спортивные соревнования.

Учителя, действительно, были центрами культурного притяжения. За многими из них школьники ходили толпами, ждали, когда те появятся на спортивной площадке или в клубе, где обязательно возникали интересный разговор, беседа, дискуссия.

Особой популярностью у мальчишек пользовались два учителя математики – В. П. Иозопайтис и В. И. Жураускас. Они не только были прекрасными специалистами, но и отличными спортсменами. Кроме того, эти люди явно несли в себе элементы какой-то иной культуры, отличной от привычной сельской. Многие стремились как-то подражать им в приличиях, в танцах, в спорте, в манере поведения и т. п. Эти учителя были из литовских семей, высланных в Сибирь в 1940 г. после вхождения Прибалтики в состав Советского Союза. Были у нас и учителя, работавшие еще в царских гимназиях и сосланные в Сибирь в 1920–1930-е гг. Так получилось, что это чужое горе помогло многим сельским ученикам, когда не было радио и телевидения, а библиотеки были бедны, открыть большой мир настоящей культуры. Надо сказать, что почти все эти люди уехали, как только им позволили это сделать. К сожалению, эквивалентной замены школа не получила, поскольку учителями становились собственные выпускники, активно поступавшие на заочные отделения местных педвузов.

Описанные выше и другие перемены в школьной жизни второй половины 1950-х гг. я видел не только глазами школьника, но и через семью, поскольку отец был директором школы и все эти нововведения требовали от него больших постоянных усилий и, так или иначе, обсуждались дома.

Система поступления в вузы

К концу 1950-х гг. в стране сложилась такая ситуация, когда получение среднего образования стало популярным и почти всеобщим. Правда, принудительно получать среднее образование еще не заставляли (это произошло намного позднее), но стало ясно, что все выпускники школ уже не могли поступить в вуз, возникли большие конкурсы.

Как всегда в нашей истории, партия и правительство приняли для решения этой проблемы принудительные меры. Появилось постановление, согласно которому до 80% мест при поступлении в вузы отдавалось людям, отработавшим в народном хозяйстве (желательно на рабочих должностях) не менее двух лет. На остальные места могли поступать выпускники школ без стажа работы, причем преимущество отдавалось тем, у кого было специальное направление в данный конкретный вуз. Направления давались, кажется, районными отделами народного образования.

Для сельских школьников направления давали только в сельскохозяйственные, педагогические и иногда в медицинские институты.

Все эти ограничения компенсировались резким увеличением заочных и вечерних отделений институтов и университетов, и можно предположить, что наше технологическое отставание в 1970–1980-е гг. XX столетия во многом связано с тем, что во всех звеньях народного хозяйства, в том числе и в высшем руководстве страны, количество специалистов, получивших заочное образование, было очень большим. Это не касалось аэрокосмической и оборонной промышленности, куда отбирали лучших выпускников лучших вузов страны – Московского физтеха, МВТУ им. Баумана, ленинградских Политеха и Военмеха и многих других знаменитых и очень популярных институтов и университетов.

В 1958 г., когда я заканчивал среднюю школу, в нее пришло только два направления: одно – в Барнаульский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, а другое – на физико-математический факультет Бийского пединститута. Мне как одному из двух отличников досталось направление в Бийск (я очень хотел быть математиком), а другая отличница, Галя Подшивалова, получила направление в Барнаул.

Если не брать во внимание упомянутые льготы для стажистов, система поступления в вузы была в то время очень четкой и простой. Правила приема были едиными для всех университетов и институтов страны – единые сроки подачи документов, единые сроки сдачи вступительных экзаменов, единые программы и билеты, по которым сдавались экзамены, а также один набор экзаменов на все родственные специальности. Например, при поступлении на все инженерные, технические и физико-математические специальности всех вузов страны, в том числе и педагогические, абитуриенты сдавали математику письменно и устно, физику устно, русский язык и литературу письменно и иностранный язык устно. Сегодня это обязательное сочетание точных и гуманитарных дисциплин может удивить многих молодых людей. Тогда же это воспринималось нами как само собою разумеющееся. Нам незнакомо было понятие «репетиторство». Возможно, в больших городах что-то подобное и было, но у нас все считали, что полного освоения школьной программы достаточно для поступления в любой вуз страны.

Интересно, что сдача вступительных экзаменов после завершения выпускных не рассматривалась нами как перенапряжение, поскольку уровень требований и их содержание были близкими. Между собой мы даже сетовали на то, что вступительные экзамены будут только через месяц – казалось, что за это время что-то забудется.

Все, кто планировал поступать в вуз, ориентировались на имевшиеся учебники повышенного уровня, а учителя старались давать им олимпиадные задачи, которые каким-то образом попадали и в нашу глубинку. Особенно это касалось математики. В нашем классе среди определенной группы учеников существовало своего рода соперничество – кто может найти самое рациональное или оригинальное решение той или иной задачи. Это соперничество организовали и поддерживали уже упоминавшиеся учителя математики.

Как бы то ни было, но когда я приехал учиться в ленинградский вуз, то практически не обнаружил у себя каких-либо пробелов или недостатка знаний ни по

одному предмету. Это, однако, не касается сферы культуры и искусства, где мы, сельские школьники, не могли соперничать с городскими, поскольку знакомились с этим огромным и сложным миром только благодаря книгам. Еще раз надо сказать спасибо учителям, поскольку они делали все, чтобы приучить нас к чтению. Думаю, что многие нынешние проблемы с русским языком обусловлены тем, что люди перестали читать классическую литературу, а многие вообще перестали читать.

После успешной сдачи вступительных экзаменов в Бийский пединститут меня вместе с несколькими абитуриентами пригласили в приемную комиссию и сказали, что вышел приказ Министерства просвещения о направлении лучших абитуриентов учиться в центральные вузы страны. В частности, у меня был выбор: Саратов, Москва или Ленинград. По ряду обстоятельств я выбрал Ленинград и таким образом стал студентом Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Как выяснилось чуть позднее, на I курсе физического факультета нас, сибиряков, приехавших по направлению, оказалась целая группа – 25 человек. Еще одна такая же группа была из студентов-северян. Три группы назывались ленинградскими, хотя в них были студенты и из других регионов страны.

Совершенно ясно, что это было конкретное решение проблемы доступа в центральные вузы способных выпускников из глубинки. Проблема, видимо, вечная. Только сегодня ее пытаются решить с помощью очень сложного, опосредованного и дорогостоящего механизма ЕГЭ.

Материальная база Герценовского института в конце 1950-х годов

На территории института еще ощущались последствия сравнительно недавно завершившейся войны. Некоторые корпуса (2, 14, 17) были в разрушенном состоянии, но корпус № 2 уже активно восстанавливался. Дворовая территория была в основном засыпана шлаком. Институтский садик между решеткой Казанского собора и 5-м корпусом одичал, но уже в 1959–1960 гг. его привели в порядок. Сделали новые посадки и в других частях территории, например, между 6 и 7 корпусами.

Корпуса 8, 10, 11 и 12 были жильем фондом, где проживали не только сотрудники института, но и другие горожане. В 7 и 13 корпусах были не только общежития, но и коммунальные квартиры. Весь 3 этаж 5-го корпуса тоже занимало общежитие студентов. Центральное отопление было только в больших учебных корпусах, поэтому весь двор института был завален поленицами дров.

Интересно, что эта ситуация совмещения жилья и учебных помещений очень напоминает западный университетский кампус, в котором активная жизнь не останавливается с окончанием учебных занятий. Например, тогда в институтском клубе каждый день демонстрировали фильмы или устраивали концерты, встречи с интересными людьми, дискуссии. Библиотека была открыта с 8 часов утра до 10 часов вечера и т. д.

Учебные и научные лаборатории, с которыми мы сразу познакомились, были оснащены в основном приборами 20–30-х гг. Были и дореволюционные экземпляры, но все работало и вместе со старинной мебелью несло какой-то особый «академический» дух. Однако уже через 5 лет практически все было заменено новым. Тогда вообще было огромное желание, как можно скорей избавиться от всего старого, и мало кто задумывался, было ли новое лучше старого. Я помню, как мы с большим трудом разбивали и вытаскивали на свалку дубовые резные шкафы, которыми пользовался еще сам И. В. Курчатов. Правда, надо сказать, что у них был очень большой радиоактивный фон.

Интересно, что при такой концентрации людей очень разного статуса и социального положения в институте существовал жесткий пропускной режим. Ничего

нельзя было вынести не только из корпуса, но и с территории без специального пропуска.

Студенческий быт

Мои впечатления о быте студентов сложились из опыта жизни в общежитиях. Наверное, у студентов-ленинградцев был другой образ жизни и, возможно, складывались другие представления.

Во-первых, нужно сказать, что места в общежитии были в большом дефиците. Поселиться в общежитии почиталось за счастье, поскольку оплата «угля» у какой-нибудь семьи в городе (о комнате никто и не мечтал) была очень накладной для бедного в целом населения. Конечно, мы, студенты-целевики, получили общежитие автоматически.

За время обучения в институте мне пришлось жить в пяти разных комнатах трех общежитий. Существовало неписаное правило: студента-первокурсника поселяли в самые многолюдные комнаты (у меня была комната на 12 человек), а к V курсу постепенно создавали более комфортные условия, но комнат меньше, чем на четыре человека, все равно не было. Непременные удобства в общежитиях того времени — это обязательные кухни с газовыми плитами и постирочные с горячей водой. Зато мы хорошо знали все окрестные городские бани, основными посетителями которых, тем не менее, были коренные ленинградцы.

Среди утраченных ныне традиций студенческих общежитий тех лет хочется отметить две. Во-первых, это, конечно, «коммуны», когда студенты одной комнаты или двух (мужской и женской) договаривались об организации коллективного питания. Выбирали кассира, который собирал оговоренную сумму с каждого члена «коммуны» (некоторые вносили продуктами, привезенными из дома) и составлял смету на весь месяц. Распределяли обязанности: кто закупал продукты, кто готовил, кто мыл посуду, и т. д. Чаще всего это делали все по очереди, но были случаи, когда в «смешанной» коммуне «тяжелую и грязную» работу делали ребята, а пищу готовили девушки. Эта форма кооперации приводила к большей экономии денег, когда стипендии хватало не только на еду, но и на кино и другие мелкие траты.

Другой формой студенческой кооперации были «трудовые десанты», когда студенты объединялись для выполнения разовых, но очень выгодных, по нашим представлениям, работ. Кто-то, наиболее способный для этого, выискивал работу (как правило, погрузку-разгрузку), договаривался о цене и быстро собирал свою «бригаду». Важно было успеть, так как на выгодные работы была большая конкуренция. Выгодной считалась не та работа, за которую больше платили, а та, где был больше «кальм», то есть то, что разрешали унести с собой (речь шла, конечно, о продуктах). Те, кому нужны были деньги, как правило, работали на разгрузке угля — работа хоть и тяжелая, но считалась денежной.

Конечно, студенты, которые не получали стипендию, искали постоянную работу. На старших курсах многие подрабатывали репетиторством с отстающими учениками. Это было совсем другое репетиторство, чем теперь при подготовке к поступлению в вуз. Тогда родители нанимали студентов на короткий срок, чтобы выгнать сына или дочку из двоек по какому-нибудь предмету.

Говоря о быте студентов нашего института той поры, нельзя не сказать самые добрые слова о столовой. Для тех, кто не входил в «коммуны», спасением были буфеты — молочный, чайный и кофейный. Во многом их ассортимент был общим, но были и свои «изюминки», свои фирменные блюда: каши — в молочном, сосиски и сардельки — в чайном, разнообразная выпечка — в кофейном. Но самое главное — они работали с 7.30 утра до 9 часов вечера, поскольку аудитории в институте открывались в 8 и закрывались в 22 часа.

Трудно сейчас представить, но столовая умудрялась предоставлять студентам абонементы на трехразовое питание за 225 рублей. Учитывая, что простая стипендия на I курсе была 220, а на V курсе – 260 рублей, это было совсем неплохо. Но все-таки недостающие у первокурсников 5 рублей были предметом постоянной и очень горячей критики работы столовой на всех профсоюзных собраниях и конференциях.

Организация учебного процесса

На фоне нынешних баталий по поводу образовательных стандартов, выделения образовательных областей, обеспечения элективных курсов и т. д. учебный процесс в то время может показаться очень скучным и рутинным. Все было расписано, определено и закреплено. Но как!

Учебная аудиторная нагрузка была 48 часов на младших курсах и 40 – на выпускных. Кроме того, у физиков, например, были обязательные часы самоподготовки в учебных лабораториях и дополнительные работы в чертежных кабинетах. Ежегодно в зимнюю сессию сдавалось 2, а в летнюю – 5 экзаменов и по 6–8 зачетов. Учебных предметов было сравнительно мало, но надо видеть, какие это были предметы. Например, на нашем факультете курс математического анализа читался 4 семестра, аналитической геометрии – 2 семестра, методов математической физики – 2 семестра, общей физики – 6 семестров, теоретической физики – 6 семестров. Кроме того, под широкий профиль подготовки учителей читались серьезные курсы сопромата, теории машин и механизмов, теоретических основ электротехники, начертательной геометрии и др. Конечно, были и традиционные курсы общественных дисциплин, а также педагогики, психологии, школьной гигиены, этики и эстетики и т. д.

При этом с первых дней обучения большое место занимали разного рода практики.

В хорошо оборудованных мастерских мы осваивали работу на современных токарных и фрезерных станках, практиковались в слесарном и столярном деле. При этом на каждом участке зачет выставлялся по результатам изготовления какого-то конкретного изделия, например табуретки и т. п. Эта часть подготовки заканчивалась двухмесячной практикой в летнее время на заводе (я, в частности, работал в сборочном цехе станкостроительного завода имени Ильича).

При этом излишне говорить о том, что мы проходили хорошо оснащенные по тем временам физические практикумы от механики до ядерной физики, электротехники, радиотехники и физической электроники, а все желаемое было включено через СНО в работу научных лабораторий.

Педагогическая практика была ежегодной, нарастая по сложности от пассивного наблюдения за жизнью всей школы, отдельных классов и поведением отдельных учеников на втором курсе до самостоятельной учительской работы на выпускном.

Я думаю, читатель представляет, как мы были недовольны такой нагрузкой, постоянно возмущались тем, что это все нам не пригодится, и т. д.

Теперь я хорошо понимаю, что нам дали хорошее фундаментальное образование. С моей точки зрения, фундаментальное образование для человека – это все равно, что хорошая карта для путешественника. В этом случае он сам более осознанно выбирает тот или иной маршрут и хорошо представляет, что его ждет впереди, где и как можно повернуть на другую дорогу, как выбраться из сложного положения и т. п.

Конечно, неслучайно многие выпускники моего курса разошлись по разным жизненным дорогам: стали известными и уважаемыми учителями, получили почетные звания, в том числе, например, «Соросовский учитель», стали докторами и кандидатами педагогических, физико-математических, технических и даже химических наук,

руководителями различных учреждений, организаций и структур. Есть среди них и успешные бизнесмены. Мне скажут, что это плохо, поскольку далеко не все работают в школе, но я думаю, что это очень хорошо для государства в целом, когда его образованные граждане так востребованы в разных сферах профессиональной деятельности и успешны в жизни.

Хочу сказать и о тех потерях, которые были при такой организации учебного процесса.

Во-первых, очень многие мои сокурсники не могли справиться с большой нагрузкой и очень высокими требованиями со стороны преподавателей. Отсев по неуспеваемости был обычным делом, особенно на первых двух курсах. Наши потери за 5 лет составили более 30%. Особенно большой отсев по неуспеваемости был у студентов-стажистов, которые поступали в соответствии с упоминавшимися выше преимуществами. Все-таки для точных наук перерыв в образовании не идет на пользу.

Во-вторых, преобладание административных методов привело, например, к такому нарушению учебного процесса, как ускоренное прохождение завершающего курса. Проблема нехватки учителей в сельской школе тогда тоже была очень острой, и кем-то было принято радикальное решение. Выпускные курсы разбили на две половины. Одну направили на работу в школы Ленинградской области на весь первый семестр, а другая половина должна была за один семестр пройти весь курс обучения, к Новому году сдать государственные экзамены и защитить дипломные работы. После окончания зимних школьных каникул мы поменялись местами. Ясно, что качеству нашей подготовки на выпускном курсе такая система мер не способствовала. Кроме того, направляя на работу после завершения учебы, дипломы нам не выдали, и мы поэтому много теряли в заработной плате. Например, я с полной нагрузкой работал в двух школах г. Петрокрепости, но получал существенно меньше в сравнении с персональной стипендией, которую имел в институте, поскольку числился специалистом без высшего образования.

Был еще один памятный момент в нашей институтской жизни, который был воспринят нами тогда, как шок.

Где-то в самом начале 1960-х гг. всех нас потряс так называемый «липецкий опыт», который заключался в том, что школы Липецкой области стали работать без второгодников, то есть никто из школьников не имел неудовлетворительных оценок за год. С учетом того, каков был наш собственный опыт учебы в школе, где всегда были хронические двоечники, этот феномен не укладывался у нас в голове. Средства массовой информации и наши педагоги стали всячески пропагандировать этот опыт, не раскрывая, однако, секрета работы липецких учителей: просто такой должен быть почин — и все! Появился новый педагогический принцип: у хорошего учителя не может быть плохих учеников. Если ученик не успевает — виноват учитель. К тому моменту, когда наш выпуск пришел работать в школу, весьма актуальной стала проблема обеспечения в стране всеобщего среднего образования, что укоренило в школе еще один принцип: «Три пишем — два в уме». Думается, что это обстоятельство во многом способствовало тому, что впоследствии сложилась ситуация, когда в нашей стране стали думать одно, говорить другое, а делать третье.

В заключение же этого раздела хочется несколько слов сказать о людях, работавших тогда на физическом факультете Герценовского института, не о ком-то в частности (это невозможно в материале такого объема), а в целом.

Во-первых, профессоров было мало, каждый профессор был объектом определенного поклонения и почитания. Например, на лекциях этих профессоров всегда присутствовали аспиранты и молодые преподаватели. Считалось, что сдавать экзамены самому профессору значительно легче, чем доценту и другим преподавателям, которые ему ассистировали. Преподаватели (по крайней мере, преподаватели физики) приходили на работу не только на время аудиторных занятий, а проводили на фа-

культете целый рабочий день. К ним можно было приходить на консультации, или они сами вызывали студентов для ликвидации каких-либо академических задолженностей. Многие были фанатами своего дела. Нередко сдача зачетов и экзаменов продолжалась с утра до 8–10 часов вечера (иногда после 22 часов, когда закрывался институт, переносили работу в общежития) – уж очень детально и дотошно преподаватели спрашивали студентов.

Особенно хотелось бы сказать добрые слова о лаборантах. Как правило, лаборантами работали достаточно пожилые люди без высшего образования, но имеющие большой опыт работы. К студентам они проявляли поистине отеческую заботу, пытались даже как-то подсказывать на зачетах и экзаменах. Остается удивляться, как им при очень маленькой зарплате удавалось обеспечить исправную работу приборов и функционирование лабораторий с раннего утра и до позднего вечера. Заменить это ушедшее поколение специалистов в полной мере не удастся и до сих пор.

Общественная жизнь студентов

Каждый человек склонен идеализировать время своей молодости, поэтому, чтобы не впасть полностью в этот грех, попытаюсь сказать о студенческой жизни Герценовского института периода очень коротко и схематично.

Самое главное состояло в том, что в институте работало большое число различных общественных организаций и структур, в которых каждому могло найтись место. Во-первых, были обязательные организации, такие как комсомольская и профсоюзная, работа в которых была для многих не способом самореализации, а скорее исполнением возложенных обязанностей. Но были и другие. В каждой группе, помимо старосты, комсорга и профорга, были культорги, физорги, политинформаторы, ответственные за шефскую работу, за дружину, за уборку аудитории (был период, когда студенты сами убрали учебные помещения) и т. д. От этого, по крайней мере, была одна польза – довольно быстро определялись лидеры, активное ядро, образовывались группы по интересам.

Только в клубе института работали десятки различных кружков, а директор клуба, легендарный А. А. Ахаян, буквально с каждым первокурсником беседовал лично и старался по своему разумению вовлечь его в ту или иную работу. Активно работали вполне самостоятельные дискуссионный клуб, интернациональный клуб, спортивный клуб, СНО, ДОСААФ, академический хор, выпускались стенгазеты и т. д. Чего действительно не было, так это свободного времени и скуки. Сейчас я хорошо представляю, что во всех таких структурах были кураторы из числа профессорско-преподавательского состава, которые, однако, в массе своей не давили на административные рычаги. Конечно, во главе всего этого стоял партком института, в работу которого, однако, студенты посвящены не были, и у меня не осталось каких-либо впечатлений.

Какие плоды давала вся эта разноплановая и огромная деятельность института? У каждого найдется свой ответ. Я думаю, в том, что наш выпуск ежегодно встречается уже более 40 лет, есть влияние этой активной студенческой жизни, которая так надолго сплотила нас.